

теории: Сб. статей / Под ред. В.М.Марковича, В.Шмида. – СПб., 1993. – С. 154–170.

17. Шоу Б. Автобиографические заметки. Статьи. Письма: Сборник / Пер. с англ.; Сост. А.Образцовой и Ю.Фридштейна; Послесл. А.Образцовой. – М., 1989.

О.Д.Краснобаева

Рецепция Гоголя в немецком гоголеведении

Перемены, произошедшие в XX веке в жизни людей, часто заставляют современного человека задуматься над вопросами, ответы на которые сокрыты в русской классике XIX века. Во второй половине XX века Гоголь был по-новому открыт на Западе, особенно в Германии. Актуальность гоголевского наследия стала объектом исследования отечественных литературоведов: Ю.Сохрякова [5], Е.Мурениной [4, с. 219–225], И.Ильина [1, с. 106–114], Е.Тарасовой [6] и др. "Творческое освоение художественного опыта Гоголя только начинается на Западе, и многим его творениям еще предстоит быть заново осмысленными в связи с происходящими во второй половине XX века социально-историческими и духовными изменениями" [5, с. 25]. Современных немецких исследователей данного исторического периода (Р.-Д.Кайля [2], Б.Зелински, А.Ханзена-Лёве [7] и др.) все более привлекают своеобразие гоголевского стиля, религиозно-философское начало его произведений, актуальность Гоголя в эпоху постмодерна.

Цель и научная новизна этой работы определяется исследованием основных методов и направлений немецкого гоголеведения конца XX в., обозначением тенденций и общих закономерностей восприятия Гоголя в немецкоязычном регионе. Это повышенный интерес к формальной стороне гоголевского творчества, в ряде исследований Гоголь показан как новатор в области формы. Замечается также тенденция акцентирования в гоголевском художественном наследии смысловых элементов с преимущественно негативным разрушительным значением, таких, как образы нечистой силы, разного рода аномалии во внешней и внутренней жизни героев. В ряде работ о Гоголе (А.Ханзен-Лёве, П.Шмида и др.) встречается в связи с этим нигилистически-пессимистическое истол-

кование наследия художника. Временная дистанция между художественным произведением и интерпретатором рассматривается не как помеха, но как преимущество позиции, задающей новые смыслы "сообщениям" автора.

Объектом исследования ряда немецких ученых становится не "литература", а "текст". На месте литературы, сохраняющей и передающей культурные традиции, возникает текст, роль которого – систематизация знания. Культурная ценность литературы заменяется общественной функцией текста.

Исследованию интертекстуальных связей в творчестве Гоголя посвящен ряд немецкоязычных публикаций последних десятилетий XX века. Интертекстуальные взаимодействия являются одной из существенных областей интереса литературоведов (Г.Артнца, В.Бауманна, Р.-Д.Кайля, П.Тиргена и др.), причем интертекстуальность понимается ими достаточно широко – как реминисценции, переработка тем и сюжетов, цитаты, заимствования из других текстов, а также отдельные связи в рамках творчества одного и того же автора (например, суждения автора и рассказчика).

Задачу выявить конкретные формы литературной интертекстуальности поставили перед собой редакторы коллективного сборника "Интертекстуальность: формы и функции" (1985). Немецкие исследователи старались противопоставить интертекстуальность как литературный прием, сознательно используемый писателями, постструктуралистскому ее пониманию как фактора своеобразного коллективного бессознательного, определяющего деятельность художника вне зависимости от его воли, желания и сознания.

Положенные в основу работ немецких гоголеведов методы являются их основной характеристикой, они определяют особенности содержания публикаций и тем самым своеобразие современной рецепции Гоголя. Концепции западных литературоведов являются "монистическими", то есть сосредоточены преимущественно на какой-либо одной грани литературного творчества (форма и структура произведения или определенные смысловые элементы).

Немецкоязычные литературно-критические школы и направления 70–90-х гг. XX в. различаются по своей приверженности к одному из двух типов построения теоретических концепций – формально-аналитическому, истоки которого в традициях культурно-исторической школы, или философско-антропологическому. К первому из них тяготеют структурализм и семиотика, а также постструктурализм и его

разновидности: психопоэтика (структурный психоанализ), интертекстуальный и интердискурсивный анализ. К философско-антропологическому направлению мы относим экзистенциальную критику и рецептивную эстетику.

Методы и школы, ограниченные рамками первого направления, объединяет, прежде всего, их стремление построить методологию научного исследования, придать своим концепциям форму точной науки и исключить из сферы рассмотрения мировоззренческие, социальные и идеологические проблемы. Странники второго направления считают, что произведение искусства не может быть постигнуто эмпирическим путем, но может быть пережито, прочувствовано, интуитивно познано.

Объектом исследования ученых, работающих в данном направлении, является поэтика гоголевских произведений в ее различных аспектах. Оригинальный подход в этом смысле представляет работа А.Ханзен-Лёве "Гоголь: к поэтике нулевого и пустого места" ("Gogol. Zur Poetik der Null und Leerstell", 1997). Своеобразие подхода немецкого литературоведа состоит в использовании и соединении различных теоретических установок – философских, литературоведческих, богословских – на фоне общего постструктуралистско-деконструктивистского взгляда на произведение, что создает впечатление единого "общекультурного" постмодернистского дискурса. Особенное внимание автора направлено на анализ повести "Нос", которая избирается в качестве центрального примера, иллюстрирующего суждения литературоведа, касающегося поэтики всего творчества русского писателя. Она рассматривается в связи с традициями апофатического и катафатического письма. Нос в повести Гоголя, как утверждает немецкий славист, воплощает ту формулу нулевого и пустого места литературно-художественной сферы, которая "использована Гоголем в его романтических повествовательных дискурсах – часто в соединении с темами дьявольского и женского начал" [6, с. 46]. Таким образом, повесть "Нос" помещена Ханзенем-Лёве в традицию отрицания объективной телеологии.

Примерами создания Гоголем "нулевого" дискурса служат подчеркнутые немецким исследователем элементы поэтики: психопоэтические черты образа носа, мотив хаотического нагромождения деталей (бессвязность которых в негативной катафатике определяется как орудие и действие дьявола), мотив разделения и потери и др. Особое место в работе ученого занимает описание черт

"нулевого дискурса" в гоголевских женских образах. Автор считает, что женский идеал художника (статьи "Женщина", "Скульптура, живопись и музыка") в высшей степени деструктивен и в литературном смысле бесперспективен. "Хорошенький овал лица" губернаторской дочки с его совершенной "округлостью" линий представляет позитивное нулевое отсутствие. Белый цвет, характеризующий женский образ (блондинка на балу в "Мертвых душах"), в позитивно катафатическом смысле указывает на сферу идеально-женского, что обозначает высшую утонченность; с другой стороны, "белизна" невыразимого и недостижимого отражает апофатическое "нулевое ничто", грозящее превратиться в деструктивное, демоническое начало. Пошлость как одна из центральных тем у Гоголя также соотносится Ханзеном-Лёве с теорией "нулевого места": "ничто" – как и зло – реализуется здесь в мелком, повседневном, банальном, при этом срединная позиция "ничто" совпадает со средней мерой пошлости.

Обобщая свои наблюдения и ссылаясь на А.Белого, немецкий ученый утверждает наличие у Гоголя тенденции к саморазрушению искусства. Он попытался осуществить постструктуралистский анализ поэтики русского художника слова, основываясь на постулатах деконструктивизма, акцентирующего элементы хаоса и разрушения как в тексте, так и в окружающей жизни. "...Перед нами предстает некий мертвый, действительно "нулевой" образ Гоголя, состоящий из анаграмматических нулевых знаков" [6, с. 48]. Немецкий литературовед говорит о наметившейся среди постструктуралистских сторонников толкования Гоголя тенденции к "восстановлению гоголевского дискурса возвышенного и идеального". Но трудно сказать, насколько перспективен такого рода анализ для дальнейшего всестороннего изучения Гоголя как личности и его творчества.

Ряд публикаций о Гоголе отражает интерес западноевропейских славистов не только к тематике гоголевских произведений, но прежде всего к способам модификации мировоззренческой позиции писателя. Обращаясь к содержательной стороне сочинений Гоголя, немецкоязычные авторы на первое место выносят, как правило, религиозно-нравственный аспект гоголевской проблематики. Проблема соотношения творчества писателя с его нравственными устремлениями оказывается центральной во многих публикациях. Литературоведы стремятся доказать единство Гоголя-мыслителя и Гоголя-художника и подчеркивают отношение писателя к творчеству

как к особому способу выражения своих моральных требований к человеку и обществу. Интерес к религиозному и философскому аспектам творчества Гоголя является характерной особенностью немецкоязычной славистики.

В рецептивно-эстетических исследованиях гоголеведческой литературы, занимающих среднее положение между методологическим способом изучения произведения и индивидуальным, интуитивным пониманием смысла, ученые стремятся восстановить именно конкретно-исторический и социальный контексты восприятия гоголевского текста.

Опора на западные (в частности, немецкие) культурно-исторические явления, акцентирование их влияния на Гоголя также является характерной тенденцией немецкоязычных публикаций: истоки религиозности Гоголя видятся некоторым авторам в европейском средневековом мистицизме и других западных религиозных направлениях, а основы гоголевской эстетики – в философии немецких романтиков. Рецептивная эстетика рассматривает эстетический и исторический аспекты развития литературы и их взаимное посредничество, связь между литературным явлением прошлого и восприятием его в настоящем.

Эстетика Гоголя как особая сфера явилась предметом исследования уже упомянутых нами ученых-славистов – Г.Лангер и Р.-Д.Кайля, представляющих философско-антропологическое направление немецкого гоголеведения. Г.Лангер в работе "Красивый синтез или дьявольская смесь? К проблеме прекрасного в раннем творчестве Гоголя" (1991), основываясь на анализе ряда ранних произведений, приходит к выводу, что в них присутствует явное противопоставление двух образных систем, одна из которых связана прежде всего с образом красоты, а в основе другой – образ душевного сообщества людей. Гоголю присуще изображение красоты в духе эстетики классицизма, и в тоже время основным свойством прекрасного для раннего Гоголя (как и для Шиллера) является свет, блеск, видимость. Поиск красоты, считает немецкая исследовательница, присутствует в гоголевских произведениях, но во всех случаях этот поиск увенчивается недобрым, банальным или катастрофическим концом. По мнению Лангер, это мотивируется двояко: либо само стремление к красоте, по Гоголю, негативно, и писатель ставил перед собою цель показать всю опасность этого стремления, либо поиск прекрасного, в представлении писателя, является тщетным.

В ранней публицистике (искусствоведческие статьи "Женщина", "Последний день Помпеи", эссе "Скульптура, живопись, музыка" и др.) гоголевское понятие красоты связано с античными образцами. Лангер подчеркивает, что описания красоты у Гоголя связаны с такими понятиями, как "призрачность", "эфирность" – с одной стороны, а с другой – "роскошь", "сладострастие". Если в "Последнем дне Помпеи" исследовательница видит возвращение Гоголя к уже преодоленной ранее стадии восхищения языческой, античной красотой, то в статье "Взгляд на составление Малороссии" Гоголь переходит от классической эстетики и культа античности к романтическому идеалу средневековья. Таким образом, уже в ранних публицистических произведениях Гоголя, а также в "Вечерах на хуторе близ Диканьки" немецкая исследовательница замечает расхождение между идеалом писателя и его представлением о красоте. Женская красота и синтез мужского и женского (характерный, по мнению Лангер, для некоторых героев "украинских" повестей) у Гоголя губительны. "В системе гоголевских координат "украинская" пограничная ситуация символизирует типичное для человека промежуточное положение между чувственным животным и божественной душой, и иначе, чем в современной эстетике, граница между этими сферами не может быть уничтожена или стерта ни с помощью призрачной красоты, ни благодаря некому синтезу".

На наш взгляд, исследовательская позиция Лангер является не до конца последовательной, поскольку ученая анализирует философско-эстетические принципы лишь раннего Гоголя, и автор не указывает, изменилось ли отношение к проблеме красоты и само понятие красоты для писателя в дальнейшем.

Работа Р.-Д.Кайля "Кровавый бандурист" Гоголя. Попытка объяснения" (1983), представляющая собой своеобразную интерпретацию незаконченного отрывка "Кровавого бандуриста", также затрагивает проблему философско-эстетических взглядов Гоголя, включающих как отношение писателя к красоте, так и толкование самим автором образа художника-творца, его понимание истинного искусства. Ученый анализирует способы типологической модификации образа автора и рассказчика в ряде произведений писателя. Кайль замечает, что в их конце появляется некий "внесюжетный" певец-музыкант (цыган, играющий на скрипке в "Сорочинской ярмарке", слепой старец-бандурист в "Страшной мести") или сам автор-рассказчик (в "Старосветских помещиках", "Повести о том, как поссорился Иван

Иванович с Иваном Никифоровичем", образ "гордого Гоголя" в конце повести "Тарас Бульба" и др.). По мнению Кайля, в финале и "Кровавого бандуриста" происходит своего рода вмешательство автора в ход событий и восстановление несправедливости.

Рассмотренная статья не претендует на обобщающие выводы относительно эстетики Гоголя. Она касается лишь отдельных аспектов содержания. Немецкоязычных исследователей интересует, как правило, анализ выбранных ими мотивов и образов, связанных лишь с рядом некоторых произведений писателя, так что системная картина отношения Гоголя к той или иной проблеме в публикациях не создана. В то же время немецким авторам удалось определить некоторые существенные особенности гоголевского мировосприятия, отраженные в произведениях. Исследуя философские проблемы гоголевского содержания, ученые подчеркивают их связь с религиозной стороной мировоззрения Гоголя, и, кроме того, стремятся найти в системе взглядов писателя общее с идеями западных мыслителей.

Работы немецкоязычных славистов нередко оказываются новаторскими, в них предлагается интерпретация прежде оставшихся в стороне аспектов гоголевского содержания – будь то конкретное произведение ("Размышления о Божественной Литургии" в статье Ф. фон Либлиенфельд), отдельные темы и мотивы (церковно-религиозные мотивы в работе Л.Амберга, эстетика Гоголя у Г.Лангер) или реминисценции (цитаты из библейских текстов в изучении Р.-Д.Кайля). На общем фоне рассмотренных нами публикаций по религиозно-философской тематике заметно, что немецкоязычные авторы не оставляют без внимания и российские разработки в этой области (А.Белый, В.Воропаев, Ю.Лотман, П.Паламарчук и др.). В свою очередь, последние учитывают результаты отдельных немецкоязычных исследований, корректируя, опровергая или подтверждая их в процессе изучения наследия писателя (новейшие публикации В.Воропаева, И.Виноградова, П.Бухаркина и др.).

Западные ученые приблизились к постижению идейно-художественных особенностей гоголевского творчества во всей их сложности и неоднозначности. Восприятие Гоголя в Германии определено разными взаимозависимыми факторами. В первую очередь это тип культуры, к которому принадлежит интерпретатор, во-вторых, особенности эпохи, повлиявшие на формирование его взглядов и ценностных критериев (тенденция к "онемечиванию" гоголевского творчества). Именно в наши дни происходит целостное осмысление роли Гоголя в художественном развитии человечества.

Литература

1. Ильин И. Постструктурализм // Современное зарубежное литературоведение: Энциклопедический справочник. – М., 1996.
2. Кайль Р.-Д. "Кровавый бандурист" Гоголя. Попытка объяснения. – М., 1983.
3. Лангер Г. Красивый синтез или дьявольская смесь? К проблеме прекрасного в раннем творчестве Гоголя. – Берлин, 1991.
4. Муренина Е. К вопросу о современной рецепции Н.В.Гоголя // Русская литература. – 1998. – №4.
5. Сохряков Ю. Художественные открытия русских писателей. – М.: Просвещение, 1990. – 206 с.
6. Тарасова Е.Н. Гоголь в немецкоязычном литературоведении 70–90-х гг. XX в. – М.: Эзиториап УРСС, 2002. – 160 с.
7. Ханзен-Лёве А. Гоголь: к поэтике нулевого и пустого места (Gogol: Zur Poetik der Null und Leerstell). – Дрезден, 1997.

Н.В.Шпильова

Флюїдність у романі Р.Бротігана "У кавунному цукрі" та в повісті М.Гоголя "Сорочинська ярмарка"

"Все, що я пишу, – це відповідь людини на питання двадцятого століття" [3, с. 10] – ці слова американського письменника другої половини ХХ століття Річарда Бротігана (1935–1984) доволі точно передають основний месидж, закодований у романах митця. У творчості одного з гуру молодіжної культури 1960-х рр. зафіксовано пошук точок дотику індивіда з реальністю, балансу і комфорту в континуумі реальності, де невід'ємною характеристикою стає інтенсивний науково-технічний розвиток та розквіт мас-культури, зорієнтованої на уніфіковану особистість. Літературне ім'я Бротігана стає відомим широкій читацькій аудиторії в 1960–1970-х рр., коли в континуумі американської дійсності вимальовувалися контури "нової чуттєвості", постмодерністської парадигми. Створюючи релевантну форму для презентації буття індивіда, його внутрішньо-зовнішніх метаморфоз, він зосереджує, зокрема, акцент на сюрреалістичній серії фрагментів, які ілюструють "хімію інтелекту", свідомості й душі.

У калейдоскопі картинок "закодовано" маршрут думки, не статичний стан, а флюїдність свідомості. Синопис вражень, рефлексій, ідей, переживань, що, як ланцюгова реакція, виникають у результаті